

811.16'373.23 + 811.161.1'373.23 +
+ 811.161.2'373.23 + 81'42

О. Д. Сурикова

Уральский федеральный университет
(Екатеринбург)
surok62@mail.ru

ОТСОМАТИЧЕСКИЕ ОБРАЗОВАНИЯ С ПРИСТАВКОЙ *БЕЗ-* В РУССКОМ И УКРАИНСКОМ АНТРОПОНИМИКОНЕ

В статье представлен анализ функционирования модели «*без* + соматизм» по данным русской и украинской антропонимии (фамилий, коллективных, семейных и индивидуальных прозвищ), с использованием семантико-мотивационного и лингвостатистического методов анализа. Выявляются наиболее продуктивные основы с соматическим значением (являющиеся производными для самых частотных фамилий), определяются внеязыковые и собственно лингвистические причины активности участия основ, обозначающих части тела, в образовании антропонимов. Отсоматические антропонимы с приставкой *без-* подразделяются на группы в зависимости от категориальной принадлежности части тела, указанной во внутренней форме, что позволяет проследить ценностный характер прозвищной антропономинии. На основании статистических данных делаются некоторые выводы об ареале исследуемых фамилий и о семантическом объеме лексем, служащих производящими основами для антропонимов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: славянские языки, русский язык, украинский язык, антропонимия, фамилия, прозвище, приставочные образования, приставка *без-*, соматическая лексика, семантико-мотивационная реконструкция, лингвостатистический анализ, этнолингвистика.

Образования с приставкой *без-* интересны как в семантико-словообразовательном плане, так и в этнолингвистическом: в них посредством отрицания

© Сурикова О. Д., 2013

воплощается определенный фрагмент фундаментальной системы ценностей. Аксиологическую значимость *без-*префиксации отмечает А. Ф. Журавлев в работе «Древнеславянская фундаментальная аксиология в зеркале праславянской лексики» [Журавлев, 1999, 12–30]. Среди приставочной лексики такого плана особое место занимают отсоматические образования (*безрукий, безбородый, Безносов* и т. п.), что объясняется архаичностью некоторых из них (слова **bezvolъ(jь), *bezkostъjь, *bezpalъjь* и др. причисляются к праславянским [см.: ЭССЯ, 2, 14–54]), а также значимостью и универсальностью обозначаемых ими реалий. Принципиальная важность соматических объектов¹ для жизни и нормального функционирования человека в социуме определяет повышенное внимание номинатора к физическим увечьям. Отсутствие или дефект части тела, равно как невыполнение ею своих функций (вследствие причин биологического (врожденного) или травматического (приобретенного) характера), являются особой приметой и необходимым образом именуется.

Отсоматические *без-*образования встречаются как в нарицательной лексике, так и в проприальной. Анализ нарицательной лексики такого рода [см.: Сурикова, 2012] показал, что основными факторами появления слов, во внутренней форме которых содержится указание на отсутствие тех или иных органов, являются, по всей видимости, частотность повреждений (травматичность) частей тела и устойчивость символики соответствующих соматических объектов. Это демонстрируют, к примеру, разные значения слова *безрукий*: «соматическое» значение («не имеющий руки») отражает возможность подобного увечья, а «социальное» значение («неумелый») проявляет символику этого соматического объекта. Можно предположить, что для собственных имен фактор частотности не столь существен, так как *potina pgorgia* призваны подчеркнуть единичность и характерологичность приметы. Для полноты представлений о функционировании отсоматических образований с приставкой *без-* в языковой системе необходимо изучение не только нарицательных слов, но и данных ономастики, в частности антропонимии — прозвищ различных разрядов (индивидуальных, коллективных и семейных), а также созданных на их основе фамилий.

Данное исследование посвящено изучению особенностей функционирования модели «*без* + соматизм» в русском и украинском антропонимиконе — прозвищах и отпрозвищных фамилиях (фамильные антропонимы составляют основной массив данных). Украинский материал особенно показателен по двум причинам. Во-первых, большую долю в нем занимают прозвища казаков, а изучение прозвищ, возникающих в мужском военном коллективе с высокой степенью корпоративности, позволяет проследить процесс прозвищной антропономинии *per se*.

¹ Соматическими объектами считаются «собственно части тела (например, голова, рука), части частей тела (пальцы, ноздри), а также органы (печень, половые органы), покровы (кожа, волосы, ногти), жидкости (кровь, слезы), особые места человеческого тела (подмышки, пупок), наросты (горб, прыщи), линии (пояс, талия), кости, мышцы и др.» [Аркадьев, Крейдлин, 2011, 41].

Во-вторых, словообразовательная специфика некоторых украинских фамилий заключается в формальном совпадении ряда патронимических суффиксов с суффиксами уменьшительно-ласкательными или в отсутствии патронимических суффиксов, что обуславливает «прямой» переход прозвища в фамилию. Таким образом, антропонимы в ряде случаев совпадают с апеллятивами (ср., например, факты совпадения фамилий *Безух* и *Безбородько* с соответствующими нарицательными именами *бѣзух* ‘человек, не имеющий уха или ушей’ [СУМ, 1, 37] и *безбородько* ‘человек, не имеющий бороды’ [Там же, 47]). Подобное словообразование имеет следствием бóльшую «прозрачность» таких фамилий для языкового сознания [об этом см., например: Масенко, 1990, 19, 24–39]. Разумеется, подобная модель встречается и в русском антропонимиконе, но не так частотна, как в украинском. Несмотря на то, что в каждом антропонимиконе есть свой набор типичных моделей, в нашем исследовании не производится разграничение фамилий в зависимости от патронимических суффиксов и антропонимических моделей, характерных для языковых систем разных этносов. Украинскими условно считаются фамилии, зафиксированные на территории Украины, а русскими — на территории России (о сложностях этнической идентификации фамилий см.: [Журавлев, 2005, 128–130])².

Данные извлекались из антропонимических словарей и исследований, антропонимической картотеки Топонимической экспедиции Уральского университета, русских и украинских диалектных словарей, исторических словарей, реестров запорожского казачества и переписных книг. Кроме того, привлекались статистические сведения из электронных баз данных, отражающих состояние антропонимикона в конце XX — начале XXI в. на Украине и в некоторых городах России³. При работе с электронными базами данных использовались приемы лингвостатистики: осуществлялся подсчет антропонимов, образованных от соматизмов с помощью приставки *без-*. Последнее требует особого комментария. Использование лингвостатистического метода при работе с антропонимическим материалом дает возможность не только выявить наиболее частотные основы с соматическим значением (а соответственно, сделать выводы о причинах активности этих основ в антропонимиконе), но и позволяет с той или иной степенью точности проследить географию фамилий, образованных от этих основ. Е. Л. Березович указывает, что «анализ частотности отдельных основ <...> в ономастике

² В соответствии с этим организована система помет, указывающих на принадлежность антропонима к русскому или украинскому языку или конкретным диалектам: помета «укр.» ставится, если антропоним зафиксирован только в украинских источниках; помета «рус.» — если только в русских. Для антропонимов, отмеченных в русских диалектных источниках, дополнительно дается ареальная помета. Если антропоним содержится и в русских, и в украинских источниках, языковые пометы не ставятся.

³ Имеются в виду базы жителей городов, отражающие сведения переписи населения, телефонные справочники и электронные базы ГИБДД. Данные, почерпнутые из электронных баз, в статье не паспортизируются.

может оказать существенную помощь в воссоздании картины бытования соответствующих нарицательных слов, выяснении степени их распространенности, семантических объемов и др.» [Березович, 2012, 70].

В то же время следует учитывать относительность полученных результатов, определяющуюся следующими факторами. Во-первых, охват антропонимикона нельзя признать полным, поскольку в нашем распоряжении нет статистики фамилий по всей территории России: нами были проанализированы данные о населении одиннадцати российских городов (Астрахань, Владимир, Волгоград, Екатеринбург, Москва, Новосибирск, Орел, Санкт-Петербург, Северодвинск, Ростов-на-Дону, Ярославль). Украинские данные более полные: существует статистика фамилий по всей территории страны. Во-вторых, имеет место неравноценность массивов данных для разных городов. Так, например, база данных жителей Москвы включает 11 млн фамилий, телефонный справочник Екатеринбурга — 483 тыс., а телефонная база Северодвинска лишь 64 тыс. записей, и объем представленных ономастических единиц зависит не только от численности населения (естественно, существенно разнящейся в Москве и других городах), но и от принципов организации различных баз данных (так, если мы имеем дело с базой жителей, то в ней максимально полно представлены сведения о населении; объем данных в телефонном справочнике напрямую зависит от степени телефонизации населенного пункта; база данных ГИБДД дает наиболее редуцированную информацию). Недостаточность и неравнозначность имеющихся статистических сведений не позволяют осуществить полноценный сопоставительный анализ частотности фамилий в России и на Украине или в разных городах России (невозможен даже подсчет отношения антропонимов, образованных по интересующей нас модели, к общей численности населения). Поэтому «абсолютные» количественные данные не могут быть в достаточной мере репрезентативными, и, оценивая относительную распространенность антропонима, мы будем рассматривать объем словообразовательного гнезда (количество вариантов суффиксального оформления фамилий, образованных от одной основы⁴), фиксацию наличия фамилии в разных городах (встречаемость) и приблизительную степень частотности (выявляемую при сравнении с фамилиями, образованными по той же приставочной модели, но от других соматических основ).

Анализ отсоматических антропонимов предполагает установление мотивационного признака, лежащего в основе номинации. В ряде случаев это оказывается затруднительным, в особенности при рассмотрении фамилий, производных от многозначных или омонимичных основ. Возможна как гомогенная омонимия

⁴ Графические варианты (типа *Беззубов* и *Безубов*, *Безбородов* и *Безбародов*, *Безпалый* и *Беспалый* и пр.), возникшие в ряде случаев вследствие ошибки или неграмотности переписчиков, оцениваются как одна ономастическая единица. Таким же образом расцениваются фамилии, отражающие фонетические соответствия в русском и украинском языках (*Безнос* и *Безнис*, *Безпальков* и *Безпалькив*).

(ср., например, фамилии *Безживотный* и *Безживотченко* — от *живот* ‘часть тела’ или ‘имущество’?), так и гетерогенная (фамилии *Бескровный*, *Бескровнов* — от *кровь* ‘биологическая жидкость’ или *кров* ‘дом, жилище, приют’?). В обоих примерах несоматическая мотивация предпочтительна — и заключение об этом можно сделать при анализе продуктивности и типичности мотивационных моделей, аналогичных данным (так, прозвища, в основу которых положены представления об отсутствии имущества или крова, более продуктивны, чем прозвища, отражающие признак впалого живота или бледности от «малокровия»)⁵.

Что касается принципов подачи и организации рассматриваемого ниже материала, то сначала будут представлены гнезда антропонимов, восходящих к наиболее распространенным основам (эти основы большей частью совпадают в русском и украинском антропонимиконе). Затем будут описаны дериваты от менее продуктивных и частотных основ, разделенные на группы в зависимости от определенных разрядов, к которым относятся номинируемые ими части тела.

1. Антропонимы, образованные от наиболее продуктивных основ

Наиболее продуктивными и распространенными основами с соматическим значением, дающими дериваты по модели «без- + соматизм», в русском и украинском антропонимиконе являются основы *рука*, *палец*, *зуб*, *борода*, *нос* и *ухо* (последнее — преимущественно для украинской территории). При этом антропонимы, производные от первых двух основ, явно преобладают над прочими по количеству фиксаций и широте ареалов. Так, А. Ф. Журавлев относит фамилии *Беспалов* и *Безруков* к числу пятисот самых частотных русских фамилий [Журавлев, 2005, 143, 145] (другие отсоматические антропонимы с приставкой *без-* в этот список не попали). По данным портала «Популярні прізвища та імена України», фамилии *Безруков*, *Безрученко*, *Безпальий*, *Беспальий* и *Беспалов*, *Беспалов* входят в первую тысячу распространенных украинских фамилий, а фамилии *Безрук*, *Безручко* и *Безпалько*, *Беспалько* — в первые три тысячи (такую активность подтверждают и полученные нами результаты)⁶. Антропонимы, восходящие

⁵ Ср. также фамилии типа *Безгачин* и *Безгачев*, скорее отражающие признак бедности (ср. костр., краснаяр., том., сиб., приирт., камч., арх., пск., новг., ворон., влг. *гáчи* ‘штаны; штанина, штанины’, [Дилакторский, 2006, 81; НОС, 159; ПОС, 6, 144; СВоронГ, 2, 49; СГРС, 3, 18; СРНГ, 6, 154], помор. *гáчи (-чи)* ‘нижний край крестьянских портов, сопли у брюк, подол у сарафана, юбки и платья’ [Дуров, 74]), а не репрезентирующие физическую аномалию (ср. урал. *гач* ‘бедро, ляжка’ [СРНГ, 6, 154], *гáчи* ворон., ряз., дон., терск., яросл., иссык-кульск. ‘бедра, ляжки’, ворон., дон. ‘голени’, терск., ворон. ‘ноги’ [Там же; СВоронГ, 2, 49; СРДГ, 1, 97], яросл. *гáча* ‘часть ноги от колена до таза’ [ЯОС, 1, 51]).

⁶ На территории России следует, однако, отметить большую активность вариантов с приставкой *бес-*, отражающих произношение и соответствующих современной орфографической норме. Варианты фамилий с приставкой *без-* перед глухим согласным для русского антропонимикона крайне редки.

к основам *рука* и *палец*, образуются различными способами (по наибольшему количеству моделей в сравнении с другими отсоматическими именами с приставкой *без-*), ср., например, некоторые фамилии от основы *рука*: *Безрукый*, *Безрукой* [АКТЭ; МПК 1666, 52; Ономастикон, 33; Реестр 1649; Тупиков, 2004, 45; Чабаненко, 1, 47], *Безруков* [Мосин, 2000, 1, 140; Полякова, 45; Унбегаун, 145; ФТО, 1, 22], *Безручко* [МПК 1666, 56; ПОС, 1, 157; Реестр 1649; Реестр 1756; Унбегаун, 222; Чучка, 2005, 54], а также укр. *Безрученко*, *Безручченко* [МПК 1666, 45, 52; Реестр 1649] и пр.

Приведем также некоторые примеры антропонимов, образованных от основы *палец*: *Безпалай*, *Безпальный*, *Беспальный*, *Беспалой*, *Бъспальный* [БСРПрозв, 92; Кюршунова, 46; МПК 1666, 22; Реестр 1756; СПП XVI–XVIII вв., 1, 32; Тупиков, 44; Чабаненко, 1, 47], *Безпалко*, *Беспалко* [Реестр 1756; Унбегаун, 222; Чабаненко, 1, 47], *Безпалов*, *Беспалов* [Мосин, 2008, 404, 409; Никонов, 18; Полякова, 50; Унбегаун, 145; Чайкина, 15], укр. *Безпальчий*, *Безпальчий*, *Безпалчий*, *Безпалчий* [Реестр 1649] и мн. др.

Такая активность основ *рука* и *палец* обусловлена как частотностью номинируемого увечья (бытовые и производственные травмы, а также традиция наказаний через отсечение рук и пальцев, о чем см.: [Евреинов, 1994, 27]), так и принципиальной значимостью рук, напрямую связанных с производительным трудом – базовой ценностью в наивной картине мира. Это отражено и в метафорических антропонимах (именованиях ленивого, неумелого и неловкого человека *безруким*), ср. следующие мотивировки: влг. *Алекса́ндра Безру́кая* ‘прозвище жительницы д. Иштутино Великоустюгского р-на’: «Попала у женщины рука в станок, дак все Александра Безрукая звали»; *Его́рка Безру́кий* ‘прозвище жителя д. Аганино Бабаевского р-на’: «Потому что ничто не умел» [АКТЭ].

Фамилии и прозвища, восходящие к основам *зуб* и *борода*, можно объединить на основе сходства мотивационных признаков. С одной стороны, антропонимы, образованные по модели «*без* + соматизм», могут отражать реальное отсутствие номинируемой части тела у носителя прозвища (в тех случаях, когда оно совместимо с жизнью) или дефекты именуемого органа и его функций — и фамилии типа *Беззубов* или *Безбородый* могут появляться на этом основании⁷. С другой стороны, лексика, образованная по модели *без* + *зуб* / *борода*, имеет устойчивые коннотации, которые связаны с возрастом и социальным положением человека: *беззубость*, как правило, маркирует старость (ср. рус. морд. *морко́вь беззу́бая* ‘груб. о старом, дряхлом человеке’ [СРГМ, 4, 33]), а *безбородость* — молодость

⁷ Отсутствие бороды, символа жизненной силы и плодородия, атрибута взрослого мужчины, неизменно привлекает внимание номинатора, о чем свидетельствует разнообразие словообразовательных моделей и высокая степень распространенности антропонимов, производных от основы *борода*. Ср. также следующие мотивировки: киров. *Безборо́дый* ‘прозвище жителя н. п. Роговщина Даровского р-на’: «Лицо голое, не росла борода» [АКТЭ], *Безборо́дый* ‘прозвище мужчины, у которого нет бороды’ [БСРПрозв, 88].

или принадлежность к определенным профессиям (например, дон. *безбородный* ‘молодой человек, не имеющий бороды’: «А забирали и старых, и бизбародных» [БТДК, 39], литер. *безбородый* ‘о человеке: молодой, юный; устар. В применении к чиновникам и военным, для которых бритье бороды было обязательно’)⁸.

По данным портала «Популярні прізвища та імена України», фамилия *Беззуб* входит в первую тысячу популярных украинских фамилий, однако в России гораздо чаще (и шире – географически) встречаются фамилии *Беззубенко*, *Беззубов* и *Беззубцев*, *Беззубцов* («лидеры» среди дериватов от основы *зуб*, согласно полученным нами результатам). Приведем некоторые примеры антропонимов — дериватов от основы *зуб* (по нашим подсчетам, в общем существует порядка 20 словообразовательных антропонимических моделей): *Беззубец* [МПК 1666, 6; Ономастикон, 32], *Беззубой*, *Беззубый* [Кюршунова, 37; Ономастикон, 32], *Беззубка* [АОС, 1, 149; Редько, 75], а также рус. *Беззуб* [Тупиков, 44], влг. *Беззубик* ‘прозвище жителя д. Починок Кадуйского р-на’ [АКТЭ], укр. *Беззуба* [Чабаненко, 1, 47], укр. *Беззубко* [Редько, 1968, 75; Реестр 1649; Чабаненко, 1, 47].

Что касается производных от основы *борода*, самой распространенной фамилией из весьма обширного гнезда, по всей видимости, является вариант *Безбородов*. Ср. также частотные модели типа *Безбородый* [АКТЭ; БСРПрозв, 88; Ономастикон, 31], *Безбородко* и укр. *Безбородько* [Реестр 1649; Тупиков, 43; Унбегаун, 222; Чабаненко, 1, 46], укр. *Безбородченко* [Реестр 1649].

Антропонимы, восходящие к основе *нос*, демонстрируют еще один вариант семантической специализации отсоматических образований с приставкой *без-*: такие образования могут обозначать недостаточность развития части тела через ее отрицание. Несмотря на то, что *Безносыми* могли именоваться те, кто испытали наказание через отсечение носа и вырывание ноздрей [Евреинов, 1994, 32], а также больные сифилисом, распространенность фамилий такого типа и их словообразовательная разработанность не может объясняться только фактором мотивированности реальным физическим увечьем. Частотность прозвищ, образованных по модели *без + нос*, обусловлена, скорее, гиперболическим осмыслением курносости как безносости (хотя существуют и прямые номинации типа *Курносов*, *Курносик* или *Малоносов*, *Малонос*), ср. без указ. м. *безносый* ‘курносый’ [Даль, 1, 68], перм. *безно́сый* ‘имеющий маленький нос’ [СРГСПермК, 80]⁹. Вот некоторые примеры функционирования модели в русском и украинском антропонимиконе: *Безносый*, *Безносой* [МПК 1666, 3; Реестр 1649; Реестр 1756; Тупиков, 44], *Без-*

⁸ Ср. архаичное отношение к бороде, сохранявшееся у восточных славян до петровской эпохи и дольше, о чем свидетельствуют представления старообрядцев, противников петровской реформы, материалы русского права и пр. (запреты на бритье бороды, на погребение и поминание бритых; лишение бороды в качестве ритуализованной формы наказания и др.) [СД, 1, 229].

⁹ Ср. обратный случай корреляции приставки *без-* и форманта *мало-*: влг. *безно́сики*, *без но́сика* / *малонóсики* ‘жители куста деревень Вашпан Вашкинского р-на’: «У их мужик жил с обрезанным носом» [Воронцова, 33].

нос, *Безнис* [БСРПрозв, 89; Ономастикон, 32; Реестр 1756; ССУМ XIV–XV вв., 90; Тупиков, 2004, 44], *Безносюк* [Унбегаун, 220], *Безносов* [Кюршунова, 2010, 37; Мосин, 2000, 1, 40; Ономастикон, 32; Полякова, 45], укр. *Безносченко* [МПК 1666, 21], укр. *Безноско* [Реестр 1649; Реестр 1756].

Примечательна особая частотность антропонимов, производных от основы *нос*, на территории Украины. Так, портал «Популярні прізвища та імена України» относит фамилии *Безнос* и *Безносенко* к первой тысяче популярных украинских фамилий, а фамилию *Безносюк* — к первым двум тысячам.

Подобная же ситуация сложилась с дериватами от основы *ухо*. Фамилии *Безух* и *Безушко* входят в число двух тысяч самых распространенных украинских фамилий. При этом, по нашим данным, антропонимы, образованные по модели *без + ухо*, не имеют высокой частотности на территории России. Глухота или реальное физическое увечье (имеющее отношение к традиции отрезания ушей в качестве наказания¹⁰, о чем см.: [Евреинов, 1994, 30]), признаки, которые могут лежать в основе номинации, — универсальны, и ими не может объясняться существенная разница в степени распространенности фамилий, восходящих к одной основе, на смежных территориях. Причина популярности модели на Украине, вероятно, состоит в казачьей традиции ношения серег (указывающих на роль и место казака в роду: в левом ухе носил серьгу единственный сын у одинокой матери; серьгу в правом ухе носил последний в роду, где не было наследников по мужской линии; единственный ребенок у родителей носил две серьги) и, соответственно, связана с особым вниманием, уделяемым ушам, — особенно в ситуации, когда ухо было травмировано (риск порвать или иначе повредить ухо в бою особенно высок из-за крупных серег) и, тем самым, ношение серег становилось невозможным. Данная основа достаточно продуктивна, дериваты от нее составляют широкое гнездо (по нашим подсчетам, существует более десяти видов суффиксального оформления антропонимов, образованных по модели *без + ухо*), ср., например, *Безухов* [Унбегаун, 26, 145, 189, 347], *Безухий*, *Безухой*, *Безухий* [АКТЭ; Унбегаун, 28, 347; Чабаненко, 1, 47], укр. *Безушенко* [Реестр 1649], укр. *Безушка* [Чучка, 54] и пр.

2. Антропонимы, образованные от малопродуктивных основ

Если выявить гнезда наиболее распространенных фамилий, восходящих к самым продуктивным основам, не составило труда (очевидное их количественное преобладание и широкий ареал не требовали привлечения точных количественных данных), то иерархическое распределение (в зависимости от частотности) производных от других, менее распространенных, основ в условиях относительности полученных нами результатов представляется невозможным. Поэтому в данном

¹⁰ Ср. в связи с этим фамилии типа *Карнаухов*.

разделе материал будет разделен на группы в зависимости от соматических разрядов, к которым относятся номинируемые части тела («голова и лицо», «туловище», «конечности», «внутренние органы», «органы опорно-двигательной системы», «плоть, жир», «покровы»). Такая подача даст возможность ярче продемонстрировать ценностный характер антропонимации.

Антропонимы, образованные от обозначений частей головы и лица. В антропонимической системе закрепляются представления об отсутствии мозга (фамилии типа *Безмозглов*, укр. *Безмозгий* [МПК 1666, 79] и *Безмозко*), глаз (фамилии типа *Безглазов*, *Безоков*), лба (фамилии *Безлобенко*, *Безлобов*¹¹), щек¹² (*Безщеков*, *Безщекин* и т. д.), губ (укр. *Безгуб* [Реестр 1756], укр. *Безгубенко* [МПК 1666, 74], а также *Безбрилов* и новг. *Безбрил* [СРНГ, 2, 181]¹³), языка (*Безязычный*, укр. *Безязыкий*, *Безязыкий* [Реестр 1756] и др.). В основе номинации могут лежать разные признаки: реальное отсутствие органа (глаза, губы или языка), недостаточное его развитие (ср. без указ. м. *безлобий* 'узколобий' [Даль, 1, 66], новг. *Безри́л* 'прозвище человека с тонкими губами' [СРНГ, 2, 198]) или невыполнение органом его функции. Последнее верно для функциональных органов: так, *Безоки́м* и *Безязы́чным* может прозываться человек слепой или близорукий и немой или косноязычный. Это касается и мозга, реальное отсутствие которого несовместимо с жизнью, а *Безмозговым* зовется дурак или глупец.

Антропонимы, образованные от обозначений частей туловища. Русский и украинский антропонимикон отражают представления об отсутствии у человека шеи¹⁴ (фамилии типа *Безшейко*, *Безшейнов*), живота (укр. *Безжы́вотко*, *Безжы́вотченко* [Реестр 1649]), бока (*Безбоков*, укр. *Безбокий* [Реестр 1649] и пр.) и зада (фамилии и прозвища от разных основ: новг. *безза́дик* [СРНГ, 2, 191], вят. *безза́рой* [БСРПрозв, 88; СРНГ, 2, 185], *Безкрупный* [Тупиков, 44], а также *Безгузько*, *Безгузов* и под.). Поскольку полное отсутствие шеи, бока и зада невозможно, мотивационными признаками для появления прозвищ от этих основ в большинстве случаев являются, по всей видимости, хромота, горбатость и кривизна¹⁵ (признаки настолько яркие, что требуют разнообразных и многочисленных способов номинации, ср. альтернативные без-образованиям фамилии типа укр. *Горбач*, *Хромий*, *Кривий*, *Косый*, *Сухой* [Реестр 1581; Реестр 1649], рус.

¹¹ В данном случае восстанавливается основа *лоб*, а не *злоба*, как можно было ожидать, поскольку фамилий типа *Безлобов* нами не обнаружено.

¹² Следует отметить, что примеров функционирования модели *без + щека* в апеллятивной системе (в сфере общенародной и диалектной лексики), кажется, не существует.

¹³ Ср. *бри́ла* тул., новг., сев.-двин., влг., нижегор., костр., урал., яросл., вят. 'губа', яросл., иван. 'толстая, отвислая губа у человека, собаки', костр., влг. 'о человеке с толстой, отвислой губой' [СРНГ, 3, 180].

¹⁴ Апеллятивов, образованных по модели *без + шея*, нам обнаружить не удалось.

¹⁵ Ср. мотивировки: новг. *безза́дик* 'прозвище хромого человека' [СРНГ, 2, 191], без указ. м. *безбокий* 'однобокий, кривобокий' [Даль, 1, 59].

Кривошеев, Горбачев и пр.). Антропонимы, содержащие во внутренней форме указание на отсутствие зада, крайне экспрессивны, и в основе номинации может лежать пейоративная символика, связанная с телесным низом, ср. вят. *бездырой* ‘прозвание по физическим и нравственным особенностям человека’ (образовано, вероятно, от вульг.-прост. *дыра́, дырка* — анальное отверстие, зад) [БСРПрозв, 88]. Что касается фамилий типа *Безживотко*, то установить мотивационный признак затруднительно из-за того, что в основе могут лежать словообразовательные омонимы. Подобные прозвища могут указывать на бедность их носителя (ср. якут. *безживотный* ‘не имеющий пушнины на продажу’, арх. *безживотье* ‘беда, несчастье, сопряженные с убытком’ [СРНГ, 2, 190]) или на его худобу и болезненность (ср. яросл., влад., костр., калуж. *безживотный* ‘худой, тощий (иногда имеющий впалый живот); бессильный’ [Там же]).

Антропонимы, образованные от обозначений конечностей. В исследованном нами массиве фамилий представлены случаи соединения приставки *без-* с основами, номинирующими ноги (*Безногий* [Ономастикон, 32], рус. *Безног* [ПКРВ, 89], урал. *Безногов* [Мосин, 2008, 404] и пр.), бедра (*Безлядвый*¹⁶ [Ономастикон, 32]), пятки (*Безпятый, Безпятой* [МПК 1666, 56; Ономастикон, 33; Тупиков, 44], *Беспятов* [Унбегаун, 140], *Беспятых* [Там же, 145] и др.) и пальцы (дериваты от основы *перст*: *Безперстый* [Тупиков, 44], *Беспёрстов* [Унбегаун, 145; ФТО, 1, 23]). В основу фамилий, во-первых, может быть положено представление о физической аномалии (полное отсутствие ног или пальцев) или физиологическом дефекте, ведущем к нарушениям в функционировании части тела (хромота, колченовость и другие болезни ног). Во-вторых, в фамилиях может найти отражение символика органа. Так, бедра и ягодицы, являясь самыми крупными частями ног — органов, отвечающих за движение, — способны символизировать жизненную активность, подвижность, ср. вят., яросл. *безлядвый* ‘ленивый, неповоротливый’ [СРНГ, 2, 192], краснояр. *безлядвый* ‘ленивый; слабый, тщедушный, болезненный человек’ [СРГС, 1, 58] и под.). Примечательна бо́льшая продуктивность основы *пятка* по сравнению с основой *нога* в антропонимиконе (что проявляется не только в значительном перевесе в количестве способов суффиксального оформления фамилий (нами обнаружено 7 способов образования фамилий от основы *нога* и 13 — от основы *пятка*), но и в более широком ареале дериватов от основы *пятка*). Связано это с метонимическим переносом «пятка → нога» и возможностью обозначения любых дефектов ног через производные от модели *без + пятка* (при слабой вероятности отсутствия или повреждений собственно пятки), ср. орл. *Беспятая* ‘имеет врожденный порок ноги’ [Неврова, 12]. Здесь проявляются естественные особенности наивного восприятия хромоты: если человек хромает, окружающие обращают внимание

¹⁶ Ср. вят., костр., новг., смол. *лядвья, лядва* ‘бедро, ляжка; верхняя мягкая часть ноги’ [СРНГ, 17, 263; ОСВГ, 5, 223; ССГ, 6, 69; НОС, 5, 60; ЯОС, 6, 24], костр. *лядвья* ‘ягодица’ [СРНГ, 17, 263].

именно на то, как он ставит ногу, на нижнюю часть ног (пусть даже источник повреждения находится выше).

Антропонимы, образованные от обозначений внутренних органов. В русском и украинском антропонимиконе закреплены представления об отсутствии органов брюшной полости (фамилии от разных основ: перм. *Безнутрых* [Полякова, 45], урал. *Безнутров* [Мосин, 2008, 404], *Бесчерёвных* [Унбегаун, 140], *Безкищенко*, укр. *Безкишкий* [Реестр 1649] и пр.) и половых органов (фамилии от разных основ: укр. *Безмудченко* [Реестр 1649], пск. *Бесиу́ликов*¹⁷ [ПОС, 1, 197]). Реальное отсутствие некоторых органов брюшной полости несовместимо с жизнью, поэтому прозвища с префиксом *без-* скорее передают впечатления от худобы и болезненности человека (ср. влг. *безну́трый* 'худощавый, с впалым животом (о человеке)' [СРНГ, 2, 194], волг., дон. *бескише́чный* 'очень худой, болезненный' [СВолгГ, 1, 122; СРДГ, 1, 26; БТДК, 43] и под.). Что касается фамилий, внутренняя форма которых указывает на отсутствие *testiculorum*, то, вероятнее всего, мотивационными признаками для них служат представления о бесплодии, мужском бессилии и бездетности, ср. пск. *Бесиу́ликов* 'прозвище бездетного, неспособного иметь детей мужчины': «В его еще шула не было. Его так и звали Бесшуликов. В деда нет приплоди никакой, значит и ён Бесшуликов» [ПОС, 1, 197]. Однако встречаемость дериватов от праслав. **mqd-* 'testiculus'¹⁸ (*Безмудько* и др.) только на территории Украины может объясняться тем, что причиной их появления стал фактор обрезания (известно, что в составе казаков был определенный процент евреев, что подтверждают и казачьи реестры, ср. встречающиеся в них имена типа *Жидовец, Жидовкин, Жидченко, Израитель, Мойсей Писарок* и др.).

Антропонимы, образованные от обозначений органов опорно-двигательной системы. Приставка *без-* присоединяется к основам, номинирующим собственно кости (*Безкостый, Безкостой, Бескóстый* [МПК 1666, 86; Тупиков, 44; Унбегаун, 224]), а также хребет (укр. *Безхребетный* [Реестр 1756], арх. *Бесхребёттой* [АОС, 2, 19]) и ребра (*Безребрый* и пр.). По всей видимости, в основе дериватов от всех трех основ могут лежать признаки физической гибкости человека или его полноты, упитанности (ср. обратное: традиционное обозначение худобы с помощью прилагательных, содержащих во внутренней форме указание на наличие костей (высокую степень проявления костлявости), например, *костлявый, ряз. мосола́стый, пенз. мосля́вый* [СРНГ, 18, 286] и мн. др.). В апеллятивной общенародной и диалектной лексике не фиксируются слова, реализующие модели *без + ребро* и *без + хребет*. Единственный пример – литер. *бесхребетность* 'отсутствие твердости, силы; невыдержанность; неустойчивость' [ССРЛЯ, 1, 439]. Возможно, именно этот концепт

¹⁷ Ср. без указ. м. *мудé, шуло* 'testiculi' [Даль, 2, 362; 4, 668].

¹⁸ Об этой основе см.: [ЭССЯ, 20, 123–125].

отражен в некоторых фамилиях типа *Бесхребётной* (в литературном языке слово *бесхребетность* носит скорее книжный характер, но диалектные фамилии могут фиксировать ситуацию более широкого распространения слова и наличия у него конкретного «физического» значения ‘гибкий’).

Антропонимы, образованные от обозначений плоти и жира. Антропонимическая система отражает представления об отсутствии плоти и жира с помощью прозвищ, образованных путем присоединения приставки *без-* к основам *плоть* (укр. *Безплотный* [Реестр 1756]), *сало* (*Бессалый*, *Бессало*, *Бессалов*, укр. *Безсалец* [МПК 1666, 63]) и *деб*¹⁹ (укр. *Бездебый* [Реестр 1649]). И если фамилии, восходящие к основе *сало*, составляют достаточно большое словообразовательное гнездо и относительно широко распространены, то дериваты от двух других основ раритетны. Относительная продуктивность основы *сало* объясняется, возможно, тем, что производные от нее *без-*образования могут выражать не только признак худощавости и болезненности, но и реализовывать идею бедности человека. Что касается основы *плот-*, то слова *плоть* и *бесплотный* носят книжный характер, поэтому малое число соответствующих фамилий в народном ономастиконе вполне объяснимо.

Антропонимы, образованные от обозначений покровов. В русском и украинском антропонимиконе закреплены представления об отсутствии кожи (*Безшкурый*, *Бешкуров* и пр.) и усов (укр. *Безусі* [Чабаненко, 1, 47], перм. *Безусов* [Полякова, 45]). Антропонимы, образованные от основы *усы*, могут отражать реальное отсутствие усов или же иметь более широкий символический смысл, ср. литер. *безу́сый* ‘очень юный’. Что касается *без-*дериватов от основы *шкура*, то примечательно их отсутствие в общенародной и диалектной апеллятивной лексике (равно как и отсутствие производных от основы *кожа*), несмотря на наличие экстралингвистических причин для появления таких образований (традиция казни через снятие кожи и возможные бытовые травмы, например ожоги). Вероятно, эта лакуна объясняется амбивалентностью и многоплановостью представлений о коже, с отсутствием закрепленного за ней доминантного метафорического или функционального (метонимического) значения [подробнее об этом см.: Березович, Седакова, 2012] (хотя в литературной традиции метафора *без кожи* достаточно устойчива и относится к ранимым, особо чувствительным людям). Без параллелей из апеллятивной системы нельзя с уверенностью утверждать, какое из исходных значений **skor-* (‘кожа человека’, ‘шкура животного’, ‘кожа и шкура как материал’) чаще лежит в основе появления антропонимов (соответственно, указывает прозвище на бедность его носителя или на повреждения и травмы соматического объекта).

¹⁹ Ср. праславянскую основу **deb-/dob-* с магистральной семой ‘большой, толстый, здоровый, тучный’ и ее производные с этой семантикой в славянских языках [ЭССЯ, 4, 202].

* * *

Итак, отсоматические без-образования в русском и украинском антропонимиконе содержат указания на части тела, которые входят в несколько разрядов. Г о л о в а и л и ц о: *лоб*, *глаз* (*глаз*, *око*), *нос*, *щека*, *губа* (*губа*, *бри́ла*), *зуб*, *язык*, *ухо*; т у л о в и щ е: *шея*, *живот*, *бок*, *зад* (*зад*, *круп*, *гуз*, *дыра*); к о н е ч н о с т и: *рука*, *палец* (*палец*, *перст*), *нога*, *бедро* (*ля́двєя*), *пятка*; в н у т р е н н и е о р г а н ы: *мозг*, органы брюшной полости (*кишки*, *нутро*, *чрево*), половые органы (*мудé*, *шуло́*); о р г а н ы о п о р н о - д в и г а т е л ь н о й с и с т е м ы: *кость*, *хребет*, *ребро*; *плоть*, *жир*: *плоть*, *сало*, *деб-*; *покровы*: *борода*, *усы*, *кожа* (*шкура*). При этом наиболее продуктивны основы *рука*, *палец*, *зуб*, *борода*, *нос* и *ухо*.

Использование лингвостатистического метода дает возможность сделать некоторые предположения о внеязыковых и собственно лингвистических причинах различной активности соматических основ при образовании антропонимов. К в н е я з ы к о в ы м (бытийным, историко-культурным) факторам относятся:

— принадлежность части тела к разряду функциональных или топографических (что отражается в характере доминирующей семы в семантике соматизма, ср. классификацию Н. Д. Арутюновой [1999, 16]). Степень функциональности органа влияет на глубину семантической деривации лексем, номинирующих его отсутствие [подробнее об этом см.: Сурикова, 2012, 51–52] (соответственно, на возможность замещения соматического объекта его функцией и отрицание ее во внутренней форме антропонима, ср. фамилии типа *Безмозкий*). Высокая функциональность органа ведет также к особой акцентированности его отсутствия и дефектов. С этим связаны как распространенность фамилий, указывающих на отсутствие рук или пальцев, так и внимание, уделяемое любым повреждениям рук, ср., к примеру, перм. *безно́гтый* ‘не имеющий одного или нескольких ногтей’ [СРГСПермК, 1, 80], новг. *бескоко́тный* ‘неумелый, неловкий, «безрукий»’ [СРНГ, 2, 267]²⁰;

— высокая степень бытовой травматичности той или иной части тела (на пример, пальцев, рук или ног);

— традиция пыток (так, появление фамилий типа *Безноздrev* и *Безноздрый* связано, вероятно, с достаточно распространенным наказанием через вырывание ноздрей);

— обычаи и ритуальные практики (так, популярность модели *без + ухо* на Украине обусловлена, по нашим предположениям, казачьей традицией ношения серег; мотивировка антропонимов, образованных от *муд-* и указывающих на отсутствие *testiculorum*, вероятно, связана с традицией обрезания у евреев).

²⁰ Ср. *коко́ток* влг., яросл. ‘сустав пальца (на руке); наружная сторона сустава пальца (на руке)’, яросл. ‘ноготь, ноготки (на руках)’ [СРНГ, 14, 100].

Что касается лингвистических причин, влияющих на продуктивность модели и распространенность ее дериватов, то среди них можно назвать следующие:

— многозначность отсоматических образований, наличие у них как прямого значения, связанного со сферой соматики, так и вторичных значений, выходящих за пределы соматической сферы (например, высока вероятность, что прозвище, образованное по модели *без + зуб*, указывает на преклонный возраст человека);

— наличие альтернативных *без-*образованиям способов обозначения увечья. По всей видимости, для антропонимической системы в большей степени свойственны обозначения характера увечья, а не указания на отсутствие органа (это в особенности касается случаев, когда прозвище отражает дефект органа или его функции, но не абсолютное отсутствие). Так, горбатость или слепота скорее будут зафиксированы в фамилиях типа *Кривобок* и *Слепухин*, нежели *Безбокий* и *Безглазый*;

— языковой статус основы, определяемый ее положением во времени (принадлежностью слова к тому или иному хронологическому пласту языковой системы) и в разных языковых идиомах (функционированием лексемы в общенародном языке или в рамках диалекта). Так, существенный разрыв в частотности фамилий, восходящих к основам *палец* и *перст*, объясняется принадлежностью последней к разряду устаревших слов, а единичная фиксация прозвища, образованного по модели *без + шуло́*, связана с диалектным характером основы;

— характер сочетаемости приставки с основой (морфонологический критерий). Например, одной из причин редкости фамилий, образованных по моделям *без + щека* и *без + шея*, может быть очевидное неблагозвучие и неудобство сочетания свистящего с шипящим на стыке морфем.

Несмотря на относительность данных, лингвостатистический анализ антропонимического материала дает возможность получить представления о зоне распространения фамилий, восходящих к разным основам. В большинстве случаев значительных расхождений в частотности антропонимов на территории России и Украины нет (что обусловлено универсальностью соматики, общеславянским характером большинства производящих основ, культурной и географической близостью двух стран). Однако есть случаи, когда прозвища, образованные по модели «*без-* + соматизм», распространены преимущественно на Украине (речь идет об основах *ухо* и *муде́*) — и это связано с культурной и исторической спецификой данного лингвосообщества.

Сравнительное исследование корпуса фамилий с данными апеллятивной системы позволяет говорить о несовпадении в них массива соматических основ, от которых образуются дериваты с приставкой *без-*. Так, полученные результаты показывают, что в антропонимической системе фиксируется значительно меньшее число основ с соматическим значением. Для нарицательных имен на основе от-

соматической лексики с приставкой *без-* можно построить «карту тела» — некий конструкт, отражающий представления наивно-языкового сознания о частях тела и органах, которые могут отсутствовать (соответственно, определенным образом выделяются), — и такая карта будет достаточно подробной. Имена собственные не дают возможности восстановить относительно полную «карту тела», поскольку закрепляют представления о телесных увечьях или недостатках более выборочно. С другой стороны, в антропонимиконе фиксируются основы, не встречающиеся в сфере нарицательных имен. Возможность появления прозвищ путем соединения приставки *без-* с такими основами (например, *ребро, сало, шкура, шея, щека, мудё и шуло́*) связана с индивидуальным характером антропономинии (с выявлением особой приметы и отражением ее во внутренней форме присваиваемого человеку имени). Незакрепленность *без-*образований, восходящих к данным основам, в апеллятивной системе обусловлена, среди прочего, их понятийной нерелевантностью (отсутствием необходимости маркировать увечье по причине его редкости или несущественности).

Сопоставление степени распространенности разных отсоматических антропонимов с приставкой *без-* дает также возможность получить некоторые сведения о семантическом объеме лексем, являющихся для них производящими основами (в случаях, когда по-разному номинируются одна и та же или близкие реалии). Так, например, очевиден разрыв в частотности фамилий, производных от основ *борода* и *усы* (первая входит в число наиболее распространенных основ, дающих дериваты с помощью присоединения префикса *без-*, а основа *усы* не отличается высокой активностью). Вероятно, это обусловлено не только разной символической нагрузкой *бороды* и *усов*, но и тем, что в наивно-языковом сознании *усы* являются частью *бороды*, т. е. *безбородость* обозначает в том числе и *безусость* (в то время как *безусость* указывает собственно на отсутствие *усов*). На расширение семантического объема лексемы указывает и регулярная (как показывает статистика) метонимическая замена *безногий* → *беспятый*, когда с помощью прозвищ, образованных по модели *без + пятка*, обозначаются любые дефекты ног.

Таким образом, при всей неполноте ресурсов, доступных на данный момент и позволяющих осуществлять статистическую обработку ономастического материала, изучение отсоматических *без-*образований в антропонимии позволяет сделать ряд наблюдений и выводов, которые дополняют общую картину функционирования слов с негативными приставками в языковой системе.

АКТЭ — антропонимическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург). АОС — Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980–. Вып. 1–.

- Аркадьев П. М., Крейдлин Г. Е. Части тела и их функции (по данным русского языка и русского языка тела) // Слово и язык : сб. к восьмидесятилетию акад. Ю. Д. Апресяна. М. : Языки славянских культур, 2011. С. 41–54.
- Артунова Н. Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1999.
- Березович Е. Л. О современных задачах семантико-мотивационной реконструкции в топонимии // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы II Междунар. науч. конф., 8–10 сентября 2012 г. : в 2 ч. / ред. кол.: Е. Л. Березович (отв. ред.) и др. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. Ч. 1. С. 69–71.
- Березович Е. Л., Седакова И. А. Славянские соматизмы «кожа» и «шкура» и их вторичные значения // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2012. Т. 71. № 6. С. 12–24.
- БСППрозв — Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008.
- БТДК — Большой толковый словарь донского казачества. М. : Русские словари : АСТ : Астрель, 2003.
- Воронцова Ю. Б. Словарь коллективных прозвищ. М. : АСТ-Пресс Книга, 2011.
- Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Репр. воспр. изд. 1881 г. М. : Рус. яз., 1989–1991.
- Диалекторский — Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Диалекторского 1902 г. / изд. подгот.: А. И. Левичкин, С. А. Мызников. СПб. : Наука, 2006.
- Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / ред. И. И. Муллонен (отв. ред.), В. П. Кузнецова, А. Е. Беликова. Петрозаводск : Карел. науч. центр РАН, 2011.
- Евришов Н. История телесных наказаний в России. Репр. воспр. изд. 1913 г. Белгород : Пилигрим, 1994.
- Журавлев А. Ф. Древнеславянская фундаментальная аксиология в зеркале праславянской лексики // Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии и семантики. Слово в контексте культуры / ред. кол.: Н. И. Толстой (председ.) и др. М. : Индрик, 1999. С. 7–32.
- Журавлев А. Ф. К статистике русских фамилий // Вопр. ономастики. 2005. № 2. С. 126–146.
- Кюришнова И. А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. СПб. : Дмитрий Буланин, 2010.
- Масенко Л. Т. Українські імена і прізвища / ред. А. В. Жихорська. Київ : Т-во «Знання» УРСР, 1990.
- Мосин А. Г. Уральские фамилии : материалы для словаря. Екатеринбург : Екатеринбург, 2000. Т. 1 : Фамилии жителей Камышловского уезда Пермской губернии (по данным исповедных росписей 1822 года).
- Мосин А. Г. Исторические корни уральских фамилий. Екатеринбург : Гощицкий, 2008.
- МПК 1666 — Малороссийские переписные книги 1666 года. Киев : Тип. Имп. Унив. св. Владимира, 1900.
- Неврова Т. И. Региональный словарь лично-индивидуальных прозвищ Верховского района Орловской области / науч. ред. Т. В. Бахвалова. Орел : Картуш, 2007.
- Никонов В. А. Словарь русских фамилий / сост. Е. Л. Крушельницкий. М. : Школа-Пресс, 1993.
- НОС — Новгородский областной словарь : в 13 вып. / отв. ред. В. П. Строгова. Новгород : Изд-во Новг. гос. пед. ин-та, 1992–1995. Вып. 1–12 ; Великий Новгород, 2000. Вып. 13.
- Ономастикон — Веселовский С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М. : Наука, 1974.
- ОСВГ — Областной словарь вятских говоров / под ред. В. А. Бердинских, В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной. Киров : Изд-во ВятГГУ, 1996–. Вып. 1–.
- ПКРВ — Переписные книги Ростова Великого второй половины XVII века / изд. А. А. Титова. СПб. : Тип. Ф. Елеонского и К^о, 1887.
- Полякова Е. Н. Словарь пермских фамилий. Пермь : Книжный мир, 2005.
- Популярні прізвиська та імена України [Електронний ресурс]. URL: <https://sites.google.com/site/uaname/popularnist-prizvis/misca-1---10000>.

- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Л. ; СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1967–. Вып. 1–.
- Редько Ю. К.* Довідник українських прізвищ / ред. І. Варченко. Київ : Радянська школа, 1968.
- Реестр 1581 — Найдавніший реєстр українського козацтва 1581 року / упор. В. Недяк. Київ : ЕММА, 2004.
- Реестр 1649 — Реестр войска запорожского 1649 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kazvolnoe.narod.ru/page161.html>.
- Реестр 1756 — Реестр Запорожского войска 1756 г. / сост. Н. А. Тернавский. Краснодар : Сов. Кубань, 1997.
- СВолГ — Словарь донских говоров Волгоградской области : в 6 вып. / под ред. проф. Р. И. Кудряшовой. Волгоград : Изд-во ВГИПК РО, 2006–2009.
- СВоронГ — Словарь воронежских говоров / науч. ред. проф. Г. Ф. Ковалев. Воронеж : ВГУ, 2004–. Вып. 1–.
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001–. Т. 1–.
- СД — Славянские древности : этнолингв. словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М. : Международные отношения, 1995–2012.
- СПП XVI–XVIII вв. — *Полякова Е. Н.* Словарь лексики пермских памятников XVI – начала XVIII века : в 2 т. Пермь : Перм. гос. ун-т, 2010.
- СРГМ — Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР (Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия) : в 8 т. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 1978–2006.
- СРГС — Словарь русских говоров Сибири : в 5 т. / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск : Наука, 1999–2006.
- СРГСПермК — Словарь русских говоров севера Пермского края / гл. ред. И. И. Русинова. Пермь : Перм. гос. ун-т, 2011–. Вып. 1–.
- СРДГ — Словарь русских донских говоров : в 3 т. / гл. ред. В. С. Овчинникова. Ростов н/Д : Изд-во Ростов ун-та, 1975–1976.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22), Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42), С. А. Мызников (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.
- ССГ — Словарь смоленских говоров : в 11 вып. / отв. ред.: Л. З. Бояринова, А. И. Иванова. Смоленск : СГПИ (СГПУ), 1974–2005.
- ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / гл. ред. В. И. Чернышев (вып. 1–2), С. Г. Бархударов (вып. 3–4), В. В. Виноградов (вып. 5), Ф. П. Филин (вып. 6–17). М. ; Л. : Наука, 1948–1965.
- ССУМ XIV–XV вв. — Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. : у 2 т. / укл.: Д. Г. Гринчишин, У. Я. Єдлінська, В. Л. Карпова и ин. Київ : Наукова думка, 1977.
- СУМ — Словарь української мови : у 4 т. / сост. Б. Д. Грінченко. Репр. воспр. изд. 1907–1909 рр. Киев : Вид-во АН УССР, 1958–1959.
- Сурикова О. Д.* К изучению семантического своеобразия отсоматической лексики с приставкой *без-* в русской языковой традиции // Научный диалог. 2012. № 12. Филология. С. 30–62.
- Тушиков Н. М.* Словарь древнерусских личных собственных имен / сост. Вяч. Воробьев. М. : Русский путь, 2004.
- Унбегаун Б.* Русские фамилии / пер. с англ. ; общ. ред. Б. А. Успенского. М. : Прогресс, 1989.
- ФТО — Фамилии Тамбовской области : словарь-справочник : в 2 ч. / под общ. ред. Л. И. Дмитриевой. Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 1998.
- Чабаненко В. А.* Словник говірок Нижньої Наддніпрянщини : у 4 т. Запоріжжя : Вид-во ЗДУ, 1992.
- Чайкина Ю. И.* Вологодские фамилии : этимол. словарь. Вологда : ВГПИ : Русь, 1995.
- Чучка П. П.* Прізвища закарпатських українців : іст.-етимол. словник / наук. ред. В. Німчук. Львів : Світ, 2005.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1–31), А. Ф. Журавлева (вып. 32–). М. : Наука, 1974–. Вып. 1–.
ЯОС — Ярославский областной словарь : в 10 вып. / науч. ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль : ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1981–1991.

Рукопись поступила в редакцию 15.02.2013 г.

O. D. Surikova

Ural Federal University
(Ekaterinburg, Russia)

surok62@mail.ru

DERIVATIVES OF SOMATISMS PREFIXED WITH *BEZ-* (*БЕЗ-*) IN RUSSIAN AND UKRAINIAN ANTHROPNYMY

The article analyzes the functioning of the model “*bez* + somatism” in Russian and Ukrainian anthroponymy (family names, collective, individual and family nicknames) on the basis of motivational and statistic methods. The author reveals the most productive stems with somatic meaning (i.e. the stems giving the most frequent names), linguistic and extra-linguistic reasons for productivity of the abovementioned stems for anthroponym formation, and groups those anthroponymical derivatives according to the categorical status of the part of the body indicated in the inner form which lets describe the axiological character of nicknaming. The collected statistic data enable to analyze the areal distribution of the names in question and the semantic volume of the lexemes serving as productive stems for the anthroponyms.

К е у w o r d s: Slavic languages, Russian language, Ukrainian language, anthroponymy, family name, nickname, prefixal derivatives, prefix *bez-*, somatic words, semantic reconstruction, statistic analysis, ethnolinguistics.

Arkadiev, P. M., & Kreidlin, G. E. (2011). Chasti tela i ikh funktsii (po dannym russkogo iazyka i russkogo iazyka tela) [Bodyparts and Their Functions (With Reference to the Russian Language and the Russian Body Language)]. In I. M. Boguslavsky, L. L. Iomdin, & L. P. Krysin (Eds.). *Slovo i iazyk: sb. k vos'midesiatiletiiu akad. Iu. D. Apresiana* [Word and Language: A collection of Articles for the 80th Anniversary of Academician Yu. D. Apresyan]. (pp. 41–54). Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur.

Arutiunova, N. D. (1999). *Iazyk i mir cheloveka* [Language and Human World]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury.

Berdinskikh, V. A., Dolgusheva, V. G., & Smetanina, Z. V. (Eds.). (1996–). *Oblastnoi slovar' viatskikh gorovor* [A Regional Dictionary of Vyatka Dialects]. (Vols. 1–). Kirov: Izd-vo ViatGGU.

Berezovich, E. L. (2012). O sovremennykh zadachakh semantiko-motivatsionnoi rekonstruktsii v toponimii [On the Contemporary Tasks of Semantic and Motivational Reconstructions in Toponymy]. In E. L. Berezovich (Ed.), *Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiya* [Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology]. (Vol. 1, pp. 69–71). Ekaterinburg: Ural University Press.

- Berezovich, E. L., & Sedakova, I. A. (2012). Slavianskie somatizmy "kozha" i "shkura" i ikh vtorichnye znacheniiia [Slavic Somatizms "Skin" and "Hide" and Their Secondary Meanings]. *Izvestiia Akademii nauk. Seriia literaturny i iazyka*, 71(6), 12–24.
- Boiarinova, L. Z., & Ivanova, A. I. (Eds.). (1974–2005). *Slovar' smolenskikh govorov* [A Dictionary of Smolensk Dialects]. (Vols. 1–11). Smolensk: SGPI (SGPU).
- Chabanenko, V. A. *Slovník govirok Nizhn'oi Naddnrianshchiny* [A Dictionary of Dialects of the Lower Dnieper Region]. (Vols. 1–4). Zaporizhzhia: Vid-vo ZDU.
- Chaikina, Yu. I. (1995). *Vologodskie familii: etimologicheskii slovar'* [Vologda Family Names: An Etymological Dictionary]. Vologda: VGPI, Rus'.
- Chuchka, P. P. (2005). *Prizvishcha zakarpats'kikh ukráintsiv: ist.-etimol. slovník* [Carpatho-Ukrainian Nicknames: A Historical and Etymological Dictionary]. Lviv: Svit.
- Dal, V. I. (1989–1991). *Tolkovyí slovar' zhivogo velikoruskogo iazyka* [The Explanatory Dictionary of the Live Great Russian Language]. (Vols. 1–4). Moscow: Russkii iazyk.
- Degtiarev, V. I. (Ed.). (2003). *Bol'shoi tolkovyi slovar' donskogo kazachestva* [The Great Explanatory Dictionary of Don Cossacks]. Moscow: Russkii slovari, AST, Astrel'.
- Dmitrieva, L. I. (Ed.). (1998). *Familii Tambovskoi oblasti: slovar'-spravochnik* [Family Names of Tambov Region: A Reference Book]. (Vols. 1–2). Tambov: Tambov University Press.
- Evreinov, N. (1994). *Istoriia telesnykh nakazanii v Rossii* [A History of Corporal Punishments in Russia]. Belgorod: Piligrim.
- Fedorov, A. I. (1999–2006). *Slovar' russkikh govorov Sibiri* [A Dictionary of Russian Dialects of Siberia]. (Vols. 1–5). Novosibirsk: Nauka.
- Filin, F. P., Sorokoletov, F. P., & Myznikov, S. A. (Eds.). (1965–). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [A Dictionary of Russian Popular Dialects]. (Vols. 1–). Moscow, Leningrad, Saint Petersburg: Nauka.
- Gretsova, O. G. (1980–). *Arkhangel'skii oblastnoi slovar'* [Arkhangelsk Regional Dictionary]. (Vols. 1–). Moscow: Moscow University Press.
- Grinchenko, B. D. (Ed.). (1958–1959). *Slovar' ukráin's'koï movi* [A Dictionary of the Ukrainian Language]. (Vols. 1–4). Kiev: Vid-vo AN USSR.
- Grinchishin, D. G., Edlins'ka, U. Ya., & Karpova, V. L. (Eds.). (1977). *Slovník staroukráin's'koï movi XIV–XV st.* [A Dictionary of the Old Ukrainian Language, 14–15th Centuries]. (Vols. 1–2). Kiev: Naukova dumka.
- Kiurshunova, I. A. (2010). *Slovar' nekalendarnykh lichnykh imen, prozvisch i famil'nykh prozvanii Severo-Zapadnoi Rusi XV–XVII vv.* [A Dictionary of Non-Calendar Personal Names, Nicknames and Family Names of the 15–17th Centuries North-Western Russia]. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin.
- Kovalev, G. F. (Ed.). (2004–). *Slovar' voronezhskikh govorov* [A Dictionary of Voronezh Dialects]. (Vols. 1–). Voronezh: VGU.
- Kudriashova, R. I. (Ed.). (2006–2009). *Slovar' donskikh govorov Volgogradskoi oblasti* [A Dictionary of Don Dialects of Volgograd Region]. (Vols. 1–6). Volgograd: Izd-vo VGIPK RO.
- Levichkin, A. I., & Myznikov, S. A. (Eds.). (2006). *Slovar' oblastnogo vologodskogo narechiia. Po rukopisi P. A. Dilaktorskogo 1902 g.* [A Dictionary of the Dialect of Vologda Region. Based on P. A. Dilaktorsky's Manuscript of 1902]. Saint Petersburg: Nauka.
- Malorossiiskie perepisnye knigi 1666 goda (1900)* [Malorossiya Census Books of 1666]. Kiev: Tip. Imp. Univ. sv. Vladimira.
- Masenko, L. T. (1990). *Ukráin's'ki imena i prizvishcha* [Ukrainian Names and Nicknames]. Kiev: T-vo "Znannia" URSR.
- Matveyev, A. K. (Ed.). (2001–). *Slovar' govorov Russkogo Severa* [A Dictionary of Dialects of Northern Russia]. (Vols. 1–). Ekaterinburg: Ural University Press.
- Melnichenko, G. G. (Ed.). (1981–1991). *Iaroslavskii oblastnoi slovar'* [A Yaroslavl Regional Dictionary]. (Vols. 1–10). Yaroslavl: IaGPI im. K. D. Ushinskogo.
- Mokienko, V. M., & Nikitina, T. G. (2008). *Bol'shoi slovar' russkikh pogovorok* [The Great Dictionary of Russian Proverbs]. Moscow: Olma Media Group.

- Mosin, A. G. (2000). Ural'skie familii: materialy dlia slovaria [Ural Family Names: Materials for a Dictionary]. (Vol. 1). Ekaterinburg: Ekaterinburg.
- Mosin, A. G. (2008). *Istoricheskie korni ural'skikh familii* [Historical Sources of Ural Family Names]. Ekaterinburg: Goshchitskii.
- Mullonen, I. I., Kuznetsova, V. P., & Belikova, A. E. (Eds.). (2011). *Durov I. M. Slovar' zhivogo pomorskogo iazyka v ego bytovom i etnograficheskom primenenii* [The Dictionary of the Live Pomorye Language in its Everyday and Ethnographic Application by I. M. Durov]. Petrozavodsk: Karel'skii nauch. tsentr RAN.
- Nediak, V. (Ed.). (2004). *Naidavnishii reestr ukrains'kogo kozatstva 1581 roku* [The Oldest Census of Ukrainian Cossacks of 1581]. Kiev: EMMA.
- Nevrova, T. I. (2007). *Regional'nyi slovar' lichno-individual'nykh prozvizhch Verkhovskogo raiona Orlovskoi oblasti* [A Regional Dictionary of Personal Individual Nicknames of Verkhovskoy District, Orel Region]. Orel: Kartush.
- Nikonov, V. A. (1993). *Slovar' russkikh familii* [A Dictionary of Russian Family Names]. Moscow: Shkola-Press.
- Ovchinnikov, V. S. (Ed.). (1975–1976). *Slovar' russkikh donskikh govorov* [A Dictionary of Russian Don Dialects]. Rostov-on-Don: Rostov University Press.
- Poliakova, E. N. (2005). *Slovar' permskikh familii* [A Dictionary of Perm Family Names]. Perm: Knizhnyi mir.
- Polyakova, E. N. (2010). *Slovar' leksiki permskikh pamiatnikov XVI – nachala XVIII veka* [A Dictionary of 16th–Early 18th Centuries Perm Manuscripts]. (Vols. 1–2). Perm: Perm State University.
- Populiarni prizvishcha ta imena Ukraini* [Popular Names and Nicknames of Ukraine]. Retrieved from <https://sites.google.com/site/uaname/popularnist-prizvis/misca-1---10000>.
- Pskovskii oblastnoi slovar' s istoricheskimi dannymi* (1967–) [Pskov Regional Dictionary with Historical Data]. (Vols. 1–). Leningrad (Saint Petersburg): Saint Petersburg University Press.
- Redko, Yu. K. (1968). *Dovidnik ukrains'kikh prizvishch* [A Reference Book of Ukrainian Nicknames]. Kiev: Radians'ka shkola.
- Reestr voiska zaporozhskogo 1649 g.* [Census of the Zaporozhian Cossacks Army of 1649]. Retrieved from <http://www.kaz-volnoe.narod.ru/page161.html>.
- Rusinova, I. I. (Ed.). (2011–). *Slovar' russkikh govorov severa Permskogo kraia* [A Dictionary of Russian Dialects of Perm Region]. (Vols. 1–). Perm: Perm State University.
- Slovar' russkikh govorov na territorii Mordovskoi ASSR (Slovar' russkikh govorov na territorii Respubliki Mordoviia)* [A Dictionary of Russian Dialects of the Republic of Mordovia]. (1978–2006). (Vols. 1–8). Saransk: Mordovian State University Press.
- Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka* [The Dictionary of the Contemporary Russian Literary Language]. (1948–1965). (Vols. 1–17). Moscow, Leningrad: Nauka.
- Strogova, V. P. (Ed.). (2000). *Novgorodskii oblastnoi slovar'* [Novgorod Regional Dictionary]. (Vol. 13). Veliky Novgorod: Izd-vo Novgorodskogo pedinstituta.
- Surikova, O. D. (2012). K izucheniiu semanticheskogo svoeobrazii otsomaticheskoi leksiki s pristavkoi bez- v russkoi iazykovoii traditsii [On the Study of Semantic Peculiarities of the Proper Names Prefixed with bez- in the Russian Language]. *Nauchnyi dialog. Filologia*, 12, 30–62.
- Ternavskii, N. A. (Ed.). (1997). *Reestr Zaporozhskogo voiska 1756 g.* [Census of the Zaporozhian Cossacks Army of 1756]. Krasnodar: Sov. Kuban.
- Titov, A. A. (1887). *Perepisnye knigi Rostova Velikogo vtoroi poloviny XVII veka* [Census Books of Rostov-the-Great of the 2nd Half of the 17th Century]. Saint Petersburg: Tip. F. Eleonskogo i K°.
- Tolstoy, N. I. (Ed.). (1995–2012). *Slavianskie drevnosti: etnolingvističeskii slovar'* [Slavic Antiquities. An Ethnolinguistic Dictionary]. (Vols. 1–5). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia.
- Trubachev, O. N., & Zhuravlev, A. F. (Eds.). (1974–). *Etimologičeskii slovar' slavianskikh iazykov: Praslavianskii leksičeskii fond* [An Etymological Dictionary of the Slavic Languages. Proto-Slavic Word Stock]. (Vols. 1–). Moscow: Nauka.

- Тупиков, N. M. (2004). *Slovar' drevnerusskikh lichnykh sobstvennykh imen* [A Dictionary of Ancient Russian Personal Names]. Moscow: Russkii put'.
- Unbegaun, B. (1989). *Russkie familii* [Russian Family Names]. Moscow: Progress.
- Veselovsky, S. B. (1974). *Onomastikon. Drevnerusskie imena, prozvizhcha i familii* [Onomasticon. Ancient Russian Personal Names, Nicknames and Family Names]. Moscow: Nauka.
- Vorontsova, Yu. B. (2011). *Slovar' kollektivnykh prozvizhch* [A Dictionary of Collective Nicknames]. Moscow: AST-Press.
- Zhuravlev, A. F. (1999). Drevneslavianskaia fundamental'naia aksiologiya v zerkale praslavianskoi leksiki [Ancient Slavic Fundamental Axiology in the Mirror of Proto-Slavic Vocabulary]. In N. I. Tolstoy (Ed.), *Slavianskoe i balkanskoe iazykoznanie. Problemy leksikologii i semantiki. Slovo v kontekste kul'tury* [Slavic and Balkan Linguistics. Problems of Lexicology and Semantics. The Word in the Context of Culture] (pp. 7–32). Moscow: Indrik.
- Zhuravlev, A. F. (2005). K statistike russkikh familii [On the Russian Family Names Statistics]. *Voprosy onomastiki (Problems of Onomastics)*, 2, 126–146.